

ПРОЛОГ, или ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

— ...Маленькая лодка на темной воде ночного озера — чудо, что ее заметили. От гребца поначалу ни слова нельзя было добиться. Он был ранен, испуган до заикания и вообще мало что видел. В недобрый час, когда все произошло, ему выпало нести вахту на ведомой галере. Она стояла на якорях посреди реки, а ведущая находилась чуть выше, ее пришвартовали к опоре древнего моста. Рабы, как всегда, оставались на своей палубе, охрана за ними присматривала. Основные силы в тот момент находились на берегу. Точнее, часть их — Трис забрал многих и ушел на запад. Скорее всего, брать замок. Рядовым об этом ничего не сообщили, но нетрудно догадаться, почему на ночь глядя уходит столь серьезный отряд, к тому же налегке. Нет, зря вы назвали поступок Триса несусветной глупостью. Ума в нем тоже немного — с этим полностью согласен. Но к чему вожаку дикой оты лишний ум? Простой человек, выбирающий простые решения. Ведь он достоверно знал, что страж не стал закрываться за стенами Мальрока. Об этом свидетельствовало дневное нападение, лишь чудом не приведшее к полному разгрому или большим потерям. Отряды ловцов тоже не возвращались, а там слишком опытные воины, чтобы полечь всем до единого от рук обычных крестьян. Нет — где-то в лесу на них охотились настоящие бойцы. Нетрудно понять, что Мальрок слабо охраняется, потому как сил у стража слишком мало, чтобы и в лесу успевать, и в замке, а зна-

чит, ничего удивительного в решении Триса нет. Рискованно, конечно, но в сложившейся ситуации оправданно. Ведь корабли пришлось бы тащить туда долго, до ясных дней. Это значит, что от местных ночных искателей помощи почти не будет, а ведь без них останется надежда лишь на осадные орудия. Так зачем же ломать стены, которые в будущем станут твоими? Он поступил правильно, стараясь выполнить приказ до последнего. Не знаю, как он принял смерть, но уверен — умер, как подобает хорошему воину. Для таких, как он, плен невыносим — сами знаете, что бы его ожидало, попади он в руки бакайцев, которые служат стражу. Эти тупые ублюдки немногим хуже матийцев умеют делать смерть невыносимо мерзкой.

— Думаете, его отряд был полностью уничтожен?

— Это несомненно. Ударь он по замку удачно — войска стража не ушли бы на восток, захватывая по пути наши корабли. Не знаю, что случилось с Трисом, но спасшийся боец все время говорил о коварном колдовстве. По его словам, среди ночи грянул чудовищный гром с яркой вспышкой, не похожей на молнию, после чего корчма на берегу развалилась с огнем и смрадным дымом. Ее обломки летели столь быстро, что даже на палубе кого-то покалечили или даже убили. Учитывая то, что в этой постройке согревалась большая часть вожаков да и простых вояк набилось немало, уцелевшие не смогли быстро организовать отпор. Сразу после грохота из леса налетел страж со всем войском. Они проделали это так быстро, что нечего было и думать помочь оставшимся на берегу. Десятник приказал рубить якорные канаты, но спасти галеру не удалось — в суматохе гребцы коварно развернули судно поперек русла и корма засела на мели. Воин, который нам это рассказал, при этом выпал за борт и, когда понял, что дело идет к разгрому, добрался до лодки на берегу и ушел на ней вниз по течению. Рассказывал, что по пути едва в засаду не угодил: даже на воде поджидали бегле-

цов. Замерз так, что дар речи потерял. Пришлось его долго растирать горячительной микстурой и поить отваром.

— Может, он никуда не падал, а попросту сбежал? Струсил?

— Не исключено. Правды уже не узнать, но он действительно был мокрым до нитки, сильно замерз, простудился до легочной хвори и умер от нее спустя несколько дней. Не повезло ему: лекарей или хотя бы сильных лекарств на струге не оказалось. Но даже если сумел уйти благодаря трусости — это к лучшему. Ведь мы смогли узнать хоть что-то. Кстати, по поводу трусости. Ведь можно считать, что и мы ничем не лучше его. Не стали ввязываться в драку, когда страж атаковал корабли на озере. Там ведь почти не оставалось охраны — легкая добыча. На трех стругах вообще ни души. Лишь у нас большая команда, но бой принимать не стали.

— Это правильно — мы вас туда отправили не мечом махать.

— Да. Это так. Я должен был думать о грузе и наших людях в первую очередь, вот и приказал рубить якоря. Наш кормчий сумел в полной темноте вывести струг к реке, а это было нелегко. Он заслужил награды.

— Он ее получит.

— Возле устья мы нашли лагерь Адана и сообщили о нападении. Но этот тупой головорез, вместо того чтобы трезво подумать и для начала разведать обстановку, не отойдя от попойки, немедленно направился к озеру, чтобы отбить захваченные галеры. Мои слова о наличии у стража больших сил он проигнорировал. Скорее даже высмеял. Живым я его больше не видел.

— А мертвым?

— Когда мы вышли в море, налетел сильный ветер. Мы пытались с ним бороться, но он отнес нас назад на берег. Чудом не разбились о камни, выбросившись на пляж. Там подлатали корабль, дождался изменения погоды и отправились на юг. Перед этим сунулись

было к устью проверить обстановку в лагере, но увидели, что весь берег засыпан изрубленными телами наших воинов, а на скале написано странное: «Добро пожаловать». Честно говоря, после прочтения гостеприимных слов желание продолжать исследовать у нас мгновенно пропало. Голову Адана я прекрасно разглядел: она украшала самый высокий кол. Его легко узнать по усам, заплетенным в мелкие косички, — вторых таких ни у кого не было. Не знаю, что случилось с отрядом Триса, но мои люди клялись, что разглядели там некоторых из них. Думаю, все они погибли. Странно... Мы ведь шли за легкой победой, не задумываясь о возможном поражении. Когда нас туда направляли — говорили, что у стража не более двух сотен плохо вооруженных людей, а в итоге получился полный разгром.

— Вообще-то шла речь, что он сможет вывести и больше.

— Да, но не солдат, а сброд, который ни на что, кроме корявой виселицы, не годится. Но Трис разбит, Адан тоже, и Бак наверняка разделит их судьбу. Не знаю, колдовство стражей там поработало или что другое, но подозреваю самое скверное. Вы говорили, что у вас надежные сведения из Ортара. Могу я предположить, что их источник укрывается в обители карающих? Судя по всему, могу... Вам не кажется, что хитрые вороны нас попросту обманули? Подстроили ловушку?

— Зачем им это? Доподлинно известно, что они уже не один раз пытались уничтожить стража. Чего удивительного, если решили попробовать еще, чужими руками? Тем более что не первый раз прибегают к посторонним. То, что даже нас не чураются, уже о многом говорит. Мы фактически должны были на их благо работать, заодно выполняя свою задачу.

— Не знаю, но я им не могу доверять.

— Им никто и не доверяет. Не исключено, что карающие ведут какую-то свою игру, непонятную. Надо

озадачить наших людей в Ортаре: пусть присмотрятся к черным получше. Кстати: груз в порядке?

— В полном порядке. Но что толку? Даже если мы немедленно пошлем туда тысячу лучших воинов, к сроку уже не успеть. На Языческом холме слишком много работы, а нам был назначен конкретный день и час. Нет, мы уже опоздали. ОНИ будут недовольны, и неизвестно, повторят ли приказ, перенеся сроки выполнения. Да и на когда переносить? Небесные светила нечестно выстраивают такую комбинацию.

— Вы правы. Силы у нас есть, а вот время... Но не хотелось бы оставлять новоявленного стража ненаказанным. В свое время Буонис, перебравшись в Межгорье, немало дел успел натворить. Острейшей костью в горле застрял. А ведь еще тогда мы хотели прибрать край к рукам. Идеальная база на северном берегу. В итоге ничего не получилось. Так что появление стража — это заноза. С ними никогда ничего не понятно. Некоторые вообще всерьез считают, что они все до единого самозванцы. В летописях сохранились протоколы допроса схваченных стражей, где они хранили свою тайну до конца, что странно: ведь наши мастера умеют развязывать языки даже мертвым. К тому же их иммунитет к символам подчинения удивляет — редчайшее явление, и я не верю, что стражи обладают им случайно. Пусть они почти всегда действуют в одиночку, но у них обязательно должен быть руководящий центр. Где-то их набирают, таких странных, учат, направляют, присматривают. Почему выбрано разоренное Межгорье? Не знаю... Не дать нам закрепиться под боком северян? Может, и так... Совпадение, что он помешал нашим планам? Не верю в такие совпадения. Слишком вовремя он там появился и малыми силами в короткий срок успел закрепиться. Давайте для начала попробуем выяснить, что там и как. Силой уже пробовали сунуться — великое счастье, что хоть вы сумели уцелеть. У нас не так много свободных воинов, чтобы посылать туда бо-

льшое войско без крайней надобности. Военная кампания дело долгое и хлопотное, к тому же не всегда возможное. После разгрома Триса вожак других от или вовсе откажутся туда идти, или запросят гораздо больше: ведь в самом Межгорье вряд ли их ждет богатая добыча. Зная Кенгуда и его жадную семейку, сомневаюсь, что после его голодных солдат там хотя бы гвоздь ржавый остался. Страж тоже много накопить никак бы не успел — ведь и года там не пробыл. Надо искать другие способы. Кто знает — может, найдется лазейка для кинжала в бок спящему или другие недорогие варианты. Вот над этим стоит подумать...

— Да. Поддерживаю. Раз уж никто не торопит, осмотрительность и неспешность в таком деле пойдет на пользу. У нас не так уж много возможностей в тех краях, но кое-что есть. Если вы не возражаете, я немедленно отдам распоряжения для людей в Ортаре. Заодно и продышусь. Вы уж простите, но после морского воздуха в этом подземелье невозможно находиться. Чем вообще заправляют эти светильники? Очищенным земляным маслом? Новейшее изобретение? То самое, которое добавляют в зажигательные смеси? Смердит просто ужасно. Неудивительно, что о нас в народе столько глупых небылиц насочиняли, потому что и впрямь воняет адской серой.

Глава 1

ИГРЫ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ МАЛЬЧИКОВ

Местный лес — это, как правило, внешне безграничное скопище высоченных деревьев, растущих так густо, что солнечные лучи лишь в редких местах достигают земли. Звучит не слишком поэтично, зато коротко описывает суть термина. Однако в данном месте деревьев вообще не было, что неудивительно — ведь я стоял посреди поляны. Со всех сторон зеленые стены, под ногами цветущий ковер разнотравья. Бабочки порхают, пчелы и темно-зеленые жуки жужжат, над головой ласточки проносятся, воздух гудит от разнообразных птичьих трелей. Красота. Поздняя весна или раннее лето? Не знаю. У аборигенов вообще нет такого понятия, как «время года». Есть год, грубо разделенный на неравномерные отрезки времени, причем разделение это зависит от местности. Ничего странного, ведь их назначают по срокам сева яровых, жатвы озимых, схода льда с судоходных рек или рыбных озер и прочим событиям, если и относящимся к астрономическим, то косвенно.

Если вспомнить, когда я в последний раз видел снег или лед, получается, на дворе давно уже лето. Но, учитывая мягкость и кратковременность зим в Межгорье, — не факт. Почему-то гораздо приятнее думать, что сейчас конец весны. Вон и жуки чуть ли не майские. Если так, то до холодов еще не меньше полугода, а это ведь прекрасно — можно много чего успеть.

Лес... Кроны густые — в таких легко спрятаться от чужих глаз. Вдоль края поляны тянется едва заметная тропинка, дальше опять ныряя под деревья. Если тебе понадобится на ней кого-то подстеречь с целью вдумчивой беседы на тему «жизнь или кошелек», то хороший вариант — засесть среди ветвей. Особенно если умеешь управляться с арбалетом или коротким ругийским луком.

При желании на ветвях этих дубов можно стрелковую роту пристроить. Но люди, имеющие обыкновение пользоваться здешними лесными тропками, как правило, не верят в торжество царства добра или даже вообще по натуре параноики. В первую очередь они ждут пакостей как раз от таких вот удобных вариантов для засады. Что там, возле ствола? Бугор... Какой-то он на диво подозрительный, услужливое воображение трясется в боязливом ознобе, узрев в рисунке коры злобный взгляд потомственного каторжанина и отблеск на лезвии длинного ножа. А что в той, особо пышной кроне? Ах нет, не в ней. Чуть дальше стоит сохнувший великан, украшенный парочкой вороньих гнезд, — это они меня смутили, проглядывая через зелень. Кстати, сохнет этот дуб как-то странно: один сук почему-то зеленеет, будто младенец, у которого все еще впереди.

А уж стволы какие толстые у той парочки, за ними можно всадникам спрятаться, не спешиваясь. Место, похоже, активно посещается людьми: видна куча палых веток — кто-то заготавливал хворост. А вон кусок трухлявого ствола валяется — у сборщика не хватило силы дотащить до дома.

А может, он не только хворост, а и кошельки заготавливает? Причем чужие. В этом милом мире честно жить нравится далеко не всем. Епископа с его проповедями на тему святости труда и неизбежности торжества прогресса не каждый согласен слушать. Взять тех же бакайцев: хоть двери у них без замков, но ведь все до единого бывшие пираты. Причем бывшие не в силу из-

менения жизненных взглядов, а по очень простой причине: для продолжения традиционного промысла у них нет средств производства. А именно — кораблей. Так что ни о каком исправлении порочной натуры не может быть и речи.

Хотя после зимних событий насчет кораблей появились варианты...

За спиной неторопливо притоптывают несколько неудачников. Для провинившегося человека нет зрелища приятнее, чем созерцать процесс появления новой порции коллег по несчастью. Ну что ж, не станем их разочаровывать.

Попугай, восседавший на плече, в силу врожденной злобности не смог удержаться — попытался клюнуть неосторожно приблизившегося жука, из-за чего потерял равновесие и вынужден был его сохранить при помощи размахивания крыльями. Заработав жесткими перьями по уху, я в отместку щелкнул его по лбу, в ответ получив угрожающее сообщение:

— Не вздумай теперь ночью спать — непременно зарежу.

— Я тебя поил-кормил — и вот она, благодарность? Эх... — посетовал я. Затем громко, на всю поляну, начал назначать очередных провинившихся: — Мы как договаривались? Вы все дружно маскируетесь по краям поляны, изображая из себя засаду. При этом никто не должен догадаться о вашем присутствии. Как этого можно добиться? Одним-единственным способом — замаскироваться так тщательно, чтобы вас в двух шагах не смогли заметить. Ничто не должно насторожить врага — этому месту положено ничем не отличаться от других. Взгляд ни за что не должен цепляться. И вот я стою посреди поляны и куда ни кину взгляд — он не то что цепляется: он якорем притормаживает. Вот что вы на это скажете?

Ответом была тишина — мои лесные орлы не поддавались на провокацию, наивно надеясь, что я никого из

них не заметил и теперь пытаюсь раскрыть их укрытия при помощи примитивной хитрости. Ну что ж, придется конкретизировать.

— Да вы посмотрите на вытопанную траву. Здесь что, коров пасли? А почему нет навоза? Неужели трудно хотя бы о такой мелочи позаботиться!.. Я понимаю, что зверь не обратит внимания на вытопанные лопухи, но ведь вы от человека прячетесь, а он все подмечает. Ну что молчите? Думаете, я вас обмануть пытаюсь? Зря думаете... Мне вот много чего в жизни доводилось видеть, но таких огромных вороньих гнезд ни разу. Может, там не вороны, а горные орлы поселились, причем целой стаей? А ну! Покажитесь нам, пташки! Эх... а ведь никакими орлами даже не пахнет... Это всего лишь Лакис и Шег. Неразлучная парочка, наивно считающая, что вдвоем они незаметнее одиночки. Можете спуститься и почистить перышки. Кто там ржет за спиной? Макрис? Тот самый, пытавшийся из своей головы сделать холмик над кротовой норой? Зря я лошадю по тебе не проехался — ты ведь своим убожеством смертельно оскорбил всех землеройных созданий этого чудесного леса. Эй! Ты! Там! На дереве! За стволом! Не притворяйся набухающей почкой — они давно уже распустились! Дайте угадаю — это наверняка Керт, младший братик нашего кротоподобного Макриса. У них между собой такая искренняя любовь, что каждый в диком восторге от бестолковости другого. Вот и этот не удержался от смеха, сидя в засаде, — даже затрясся от нахлынувшей радости, слушая, как унижают его родственника. Совершенно зря — за свою семью надо не просто держаться, а поддерживать абсолютно во всем. Кстати, вот уже полтора года в Межгорье почти нет населения. А в этих местах ближайшая деревня и в лучшие годы была далековато. Но вот что странно: хоть лес к ней подступает вплотную — кто-то не ленится ходить в такую даль, собирая упавшие ветви. Это я для вас говорю, для кучи хвороста. Выбирайтесь, родимые, —

слишком уж глупо спрятались. Тот, который корой замаскировался, тоже поднимайся. Сам собой кусок ствола так далеко от деревьев не окажется, к тому же, если приглядеться, можно заметить под ним примятую траву. Согласитесь, это подозрительно.

Через пару минут рядом со мной стояло уже не пятеро неудачников, а девятеро. Десятый оказался везунчиком — его не нашли. Старый знакомец Люк. Способный паренек, далеко пойдет, хоть и позицию выбрал не слишком удачную для обстрела. Что ж, пора двигаться дальше. Впереди пара полян, подходящих для засады, и на них осталось еще семеро необнаруженных бойцов.

Я называл их разведотрядом — сорок мужчин, отобранных один к одному: прирожденные лесовики, охотники, многие имеют опыт наблюдения за противником, полученный не только во время зимних событий, но и до них.

Вооруженные силы Межгорья, находящиеся на боевом дежурстве, составляли сто семьдесят воинов. Кто-то избыточно умный спросит: а не слишком ли жирно почти четверть боевого состава отводить для разведчиков? Я ему отвечу: нет. Такова местная специфика. В случае необходимости за двадцать четыре часа я могу собрать больше тысячи ополченцев. Это будут не те кое-как обеспеченные оружием и амуницией, сбитые по принципу «ты и ты идите сюда, а вот ты ими командуй», ничего не понимающие и в бою думающие лишь об одном: как бы половчее и подальше ноги унести. Нет, все не совсем так.

Не скажу, что я в диком восторге от уровня оснащенности армии всем необходимым, но с палками в бой больше никого не пошлю. Даже у самого последнего ополченца, которого никто и не подумает за пределы замка выводить, имеется стеганая куртка. Та самая фуфайка, но с некоторыми отличиями: их не пожалели обшить кусками кожи и жести, конским волосом, костяными пластинами, бляхами, выточенными из ко-

пыт. Не сказать, что получилась парадная амуниция легата римского легиона, но защищенность выросла существенно. И что самое приятное — в это вложен минимум квалифицированного труда и ценных ресурсов.

Копий тоже хватает, даже избыток, мечей не слишком много, зато топоров полно, хотя в основном универсальных — и для мира, и для войны. Лишь у лучших воинов настоящие боевые секиры. Доспехи у них тоже не «фуфайные»: большей частью трофейные — от демонов. Своих мы не делаем, лишь старые ремонтируем. Слишком уж трудоемкая работа — кузнецы и так работают от зари до зари, не поспевая за широтой моих замыслов.

Все боеспособное население разделено на четыре части. Первая: дружина. Не та, прежняя, бакайская, из воинов сэра Флориса. В новую кроме них включены латники, выделенные герцогом, ребята Ритола (все равно их работать не заставишь) и лучшие из лучших воины, на которых держится непрерывное поддержание обороноспособности Межгорья. Восемь десятков стоят двумя гарнизонами — в строящихся фортах на выходе горловины и вблизи устья реки, водного пути в долину. Остальные привязаны к Мальроку или шастают по округе, выполняя мои приказы. Потеть им приходится всерьез: в спокойные минутки даже баронского сынка муштруют ветераны беспощадно, а заодно и представителей следующей части — резерва первой очереди. Это преимущественно нестарые мужчины, имеющие боевой опыт, хорошую амуницию и оружие.

На частых военных сборах они осваивают маневрирование на поле боя, выполнение приказов, отдаваемых с помощью флагов и звуковых сигналов, устраивают длительные марши с форсированием рек и болот, проводят учебное десантирование с бортов трофейных стругов и галер, тренировочные бои группой и индивидуально. Когда дойдет до дела, они по идее уже не будут

стоять с выпученными глазами, лихорадочно размышляя, как поступить: то ли сразу в штаны навалить, то ли сделать это во время бегства от врага. Они знают всех в своем десятке и сотне, привыкли к одним и тем же командирам, представляют, чего можно ожидать от товарищей, понимают друг друга без лишних объяснений. Это спаянные подразделения, в которые за несколько минут превращается кучка землепашцев, ремесленников, рыбаков. Таких у меня четыреста сорок бойцов: три сотни копейщиков, сто арбалетчиков и сорок лучников. Не скажу, что все с ними так идеально, как расписываю, но со временем будет именно так.

С резервом второй очереди уже гораздо хуже. Это зеленые юнцы, крепкие подростки, более-менее бодренькие старички. Те самые «фуфайки». Мечей там не встретить, но топоров и копий хватает, как и щитов. С ними тоже проводят занятия, муштруют потихоньку, но без огонька — и так понятно, что полноценными войсками их никогда не назовут. Если припечет, то для гарнизонной службы сгодятся, обозы могут охранять, мосты и броды. А большего от них и не требуется.

Все остальные подданные, от новорожденных младенцев до поросших мхом старух, относятся к резерву третьей очереди. Это не означает, что их нещадно муштруют и заставляют носить доспехи, — просто каждый должен знать, где и что в случае необходимости он должен делать. Или она. Подносить снаряды к баллисте, воду к котлам, стрелы лучникам, тушить пожары. Перевязывать раненых и относить их в замковый лазарет, кормить защитников, подменять дозорных на малоопасных участках стены в случае осады. Всем вбивалось в подкорку мозга: именно на этом посту твое место. Ты к нему прикреплен. Что бы ни произошло, не вздумай покидать его. Иначе будет как зимой: твари проникнут во внутренний двор и прольется кровь. Воз-

можно, кровь твоих детей, родителей, братьев и сестер. Никогда не забывай, где твое место.

Если опять пожалуют полтысячи демонов — я готов. Пусть войско мое все еще очень далеко от намеченного идеала, но часть пути уже пройдена. У меня теперь есть пусть маленькая, но настоящая армия. Раньше была просто с трудом управляемая толпа.

Но вернемся к разведке. Вот зачем мне держать четыре десятка лазутчиков в столь невеликой дружине? А как прикажете иначе? У меня владения чуть ли не с Бельгию размером. Враги могут город построить, и не один, а я про это даже догадываться не буду. Как контролировать такую площадь с моими возможностями? Да единственным способом — регулярным патрулированием. С учетом малочисленности состава, чтобы охватить всю территорию, требуется множество мелких групп. Кого попало в них не направишь — народ в них должен даже малым числом уметь давать отпор нечисти и демам, если тех немного, или без потерь уходить от превосходящего по силам неприятеля, беспокоя его неожиданными ударами.

Также следует учитывать, что слишком часто появляться в одном и том же месте патрули не смогут. Даже при условии, если контролировать только пограничные, самые опасные участки. Значит, каждый должен уметь читать следы, в том числе и старые, а это умение не всякому дано, да и за пару месяцев им разве что гении смогут овладеть. Я вот, как ни стараюсь, до сих пор уступаю даже средним охотникам.

Поэтому и приходится держать столько лазутчиков. Четыре десятка — это восемь патрульных пятерок. Каждая за день может пройти двадцать — тридцать километров. Не так уж много, но это с учетом почти полного бездорожья, безлошадности, труднопроходимой местности и внимательного изучения следов. То есть реально за сутки можно получить около двухсот километров общего маршрута. Контролировать приходится

линию побережья, район горловины и несколько проходов между озерами с юга. По моим прикидкам, это около ста пятидесяти километров охраняемой линии. Около половины более-менее надежно прикрыты поселениями подданных, которые сами приглядывают за округой, и гарнизонами. На остальных надо постоянно держать двадцать подготовленных бойцов, время от времени их сменяя.

Так что при здешних масштабах сорок лазутчиков — это практически ничто. Мы вообще никак не контролируем леса в южной части долины, отгородившись от них маршрутами редких патрулей, и не следим за горами на севере. И там и там местность слишком непростая, и трех сотен будет недостаточно даже для символического присмотра.

Я будто пытаюсь детской ладошкой сжать со всех сторон огромный глобус, изо всех сил растопыривая пальцы, но не в силах даже изображение Австралии прикрыть...

А сейчас вот совмещаю полезное с очень полезным. Забрав весь резерв, устроил серьезное патрулирование прибрежной зоны, совмещенное с тренировками личного состава. Моим людям надо совершенствоваться. Их так мало, что от каждого требуется будто от целого десятка и далеко не все могут потянуть подобное. Вот и приходится учить тому, чего сам толком не умею.

В моей голове пестрая мешанина из когда-то увиденного и услышанного. И в основном эта информация бесполезна...

К примеру, считается, что все охотники — прирожденные разведчики и диверсанты. Эдакие лесные ниндзя, для которых что зверушки хищные или травоядные, что человек — разницы ни малейшей. Тихо подберутся, тихо сделают темное дело, тихо уползут вытирать окровавленные ножи. И никто их при этом не заметит, ибо это не люди, а призраки во плоти.

Я, грешным делом, тоже был подвержен общему по-

верью и во время зимней войны не придумал ничего лучшего, как оптом назначить всех местных охотников на вакансии разведчиков. И в первый же день половину этих «бесшумных невидимок» легко скрутили громахающие железом и воняющие на весь лес демы.

Дичь скрала охотников...

Меня еще тогда это насторожило, но, лишь начав дотошно проверять, каковы мои разведчики в деле, я понял, что реальность не имеет ничего общего с общепринятыми представлениями. То есть «призраки» среди охотников имеются, и шанс их встретить в такой среде на много порядков выше, чем среди работников офисов. Но до ста процентов этот шанс очень серьезно недотягивает.

Давно, в другой жизни и на другой планете, довелось мне однажды попасть на мясные посиделки в лесу. Не в том смысле, что в плен к людоедам: просто компания молодежи выехала на лоно природы с пивом, вином и, само собой, замаринованным мясом для шашлыка. В разгар веселья случалась беда — живот прихватило. Да так серьезно, что каждые полчаса приходилось в кусты бегать. Место оживленное, а процесс подразумевает уединенность, так что отбегать приходилось далеко.

И вот в одну из таких вылазок сижу я, значит, в зарослях и размышляю над суетностью бытия. При этом не шевелюсь. И вдруг слышу подозрительный шорох — что-то ко мне приближается. Для человека тихо, для мышки лесной чересчур громко. Решил, что собачка бегаёт чья-то, — в эти места многие любят приезжать ради краткосрочного отдыха на природе. И представьте мое удивление, когда в поле зрения показывается красавец-фазан — здоровенный, с великолепным хвостом и таким гордым видом, что с первого взгляда понятно, кто здесь император Вселенной.

На меня этот петух вообще ноль внимания. Шествует, даже не покосившись. Я с лесом знаком был плохо и

решил, что птица ручная. Когда до нее осталось не более пяти шагов, протянул руку, делая вид, что зажал в ладони угощение, и подозвал: «Цып-цып-цып!»

Вы когда-нибудь видели, как бегают страусы? Так вот — фазан ему почти не уступает в этом вопросе. Рванул оттуда будто Казанова от алиментов. Только тогда до меня дошло, что он просто не воспринимал меня как угрозу. Не реагировал на неподвижный безопасный объект. Что человек, что пень — если не шевелятся, ему без разницы.

Теперь я знаю больше. Многие животные и птицы ведут себя точно так же. Даже заяц, по праву считающийся эталонным трусишкой, может прошептать в паре шагов от тебя. Главное не шевелиться, и желательно держать тело и одежду в чистоте. Не все звери такковы, но на каждого найдется свой способ. Одни больше ориентируются на обоняние, и достаточно вымазаться соком хвои, чтобы они подпустили тебя на бросок охотничьего дротика. Другие совершенно не смотрят вверх, и, устроив настил на дереве возле водопоя или солонца, можно не сомневаться в результативности охоты.

С человеком звериные методы не работают. Можешь с головой искупаться в хвойной смоле и засесть на макушке самой высокой березы — все равно заметит. Потому что лес зимний, листьев нет, а глаза разумных созданий любят поворачиваться во все стороны, в том числе и вверх. Замереть неподвижно — тоже не лучший вариант. Вы можете себе представить, что кто-то может пройти мимо стоящего на открытом месте субъекта в нескольких шагах и не обратит на него внимания? Я вижу лишь два варианта удачного исхода такого замысла: шагающий должен быть слеп или патологически невнимателен.

Слепых среди демонов не было, невнимательность там тоже не приветствовалась. В итоге моих доморощенных разведчиков снимали с голых по-зимнему деревь-

ев, окружали на вершинах холмов, где те сидели, будто окаменевшие суслики, свято веря, что дичь их не видит. А уж скольких взяли по следам, оставленным на снегу... Ведь их заметно издали, и очень подозрительно выглядит, когда цепочка обрывается странным бугорком или дубом, из-за ствола которого осторожно выглядывает чей-то любопытный нос. Врагам небось смешно было, а вот мне не очень.

Не все охотники вели себя так глупо, но, к сожалению, очень многие.

Сюда бы настоящего инструктора, знающего, как и чему надо учить разведчиков. У меня, увы, это получается плохо — охотникам трудно отказаться от своих многолетних, или скорее даже многовековых, привычек, от дедов к отцам передаваемых.

Но я стараюсь.

Глава 2 ГОСТИ

Дело приближалось к вечеру, когда показалась деревня. По местным меркам немаленькая — около трех десятков дворов. Вдоль побережья здесь тянется широкая холмистая гряда, но в долинках и на широких ровных склонах хватает площадей под посевы, крестьяне там охотно селятся. Есть и побочное занятие: достаточно переиди через горку — и вот оно, богатое море. Там и рыбалка, и промысел жемчуга — приработок всегда найдется. Почему не живут возле воды? По простой причине: галеры демов частенько шастают и, заметив поселение, обязательно наведаются в гости. Так что там даже сараи лодочные маскируют, а то ведь проверят и быстро найдут тропу к добыче.

Крестьянство и морской промысел остались в прошлом. Если кто-то из жителей и уцелел, назад возвращаться не стал. Сейчас в Межгорье населена лишь об-

ласть в районе озерного четырехугольника, который по центру долины, и есть живые деревни чуть севернее него. Здесь, возле моря, селиться безумие — ведь никто не защитит от набегов демонов. Хотя идея поставить поселок возле форта на реке есть, но пока что не хватает возможностей для ее реализации.

У меня мало на что хватает возможностей, почти все задумки приходится откладывать на будущее. Я сам себе задолжал уже столько, что за три жизни не расплатиться...

Межгорье богато брошенными деревнями, чем мы и пользовались. Я не такой уж и неженка — спокойно переносу ночевки в лесу, — но зачем идти на крайности, если повсюду можно найти крышу над головой? Люди сгинули в мясорубке недавно — жильё стоит в приличном состоянии. К тому же в таких местах и другие бонусы имеются: источники чистой воды, запасы дров, съедобная зелень на не успевших зарости огородах.

В этой деревне обнаружился дополнительный плюс. Когда-то здесь обитал местный олигарх, и после него остался чуть ли не дворец — огромный дом, в котором без труда могут разместиться полсотни бойцов. Считая меня, Тука и разведчиков, нас было девятнадцать — места всем хватит.

Не без интереса проследил, как Керт и Макрис, два брата, обожающие друг друга как кошка собаку, на время позабыли о своих разногласиях ради нечестивого ритуала. Единая церковь терпеть не может проявления язычества во всех формах. Даже невинные намеки на старое не позволены. Но в таких глухих местах всякое случается. Епископ далеко, карающих тоже давненько не видели: если зуб заболит, ходят заговаривать к подозрительным старухам, к ним же обращаются при неурожаях, родах, недомоганиях домашнего скота и запущенных случаях алкоголизма. Свято верят, что в каждом лесу имеется невидимый хозяин, которого следует задабривать, аналогично обстоят дела на любом холме.

В озерных глубинах, само собой, имеются водяные и местные русалки — похотливые зеленокожие бабы, покрытые чешуей, с водорослями вместо волос. Ряды их пополняются утопленницами, которые при жизни изменяли супругам, и в местностях, где число рогоносцев переходит за рамки приличного, по слухам, водоемы из берегов выходят, затапливая прибрежные деревни.

В общем, везде, где человеческое присутствие минимально, обязательно заводится что-то потустороннее, официальной церковью отрицаемое и ею же не одобряемое, — уж больно язычеством попахивает, с его страстью наделять окружающий мир невидимыми сущностями. Вот и заброшенная деревня не смогла избежать этих запретных суеверий. И Керт, и Макрис, и многие другие бойцы отряда не сомневались, что здесь уже появился специфический хозяин и для обеспечения спокойствия ночлега его следует задобрить. Каким образом? А как в таких случаях поступают язычники? Да элементарно — дают взятку.

В нашем случае хозяину деревни под крыльцо того самого «дома олигарха» положили прошлогоднюю сморщенную луковицу и вяленую рыбешку. После чего суеверные бойцы постояли минутку с серьезным видом и, решив, что взаимопонимание с таинственным миром духов налажено, занялись обустройством ночлега.

Церковь такой жертвы ни за что бы не одобрила. Она никогда подобного не одобряет. В том числе и наша, православная. Довелось мне однажды побывать на похоронах, куда приглашали попа. Тот помимо собственно ритуальной части провел краткий инструктаж — что можно, чего нельзя, чего не рекомендуется. В частности, очень не советовал нажираться в клам на поминках, оставлять еду и спиртное на могилах и прочее, в чем при желании можно усмотреть пережитки дохристианских обрядов.

Как воевали с ними в инквизиторском Средневековье, так и продолжают.

— Сэр, печь будем растапливать? — обратился ко мне Тук.

— А надо?

Тот, подчеркнуто притворно озадачившись встречным вопросом, почесал затылок и с деланой неуверенностью ответил:

— По мне — так незачем. Не замерзнем, да и к чему нам в духоте томиться.

— Обойдемся без печи, поесть быстрее на костре приготовить, как обычно.

Такой вот диалог случается у нас в каждой заброшенной деревне, почти слово в слово.

— Люк!

— Здесь я.

— Возьми этих оболтусов и обойди окрестности. Не забудь на холм подняться и посмотреть, что за обстановка на берегу. И шевелитесь, надо до темноты успеть вернуться.

— Да мы быстро.

Этот диалог тоже повторяется перед каждым ночлегом. Разве что предложение про море вставляется только в деревнях, расположенных близко к нему.

Вот и у меня своего рода ритуалы выработались...

Размеренный процесс обустройства был грубо прерван неожиданно быстрым возвращением тройки дозорных. Мчались они бегом, сильно запыхались, а довести выносливых ребят до такого состояния было не просто. Что-то нехорошее случилось...

— Страж! Сэр Дан! — издали вскричал Люк. — Там корабль! И люди! Много людей!

— Стоп, — спокойно ответил я. — Давай четко, без криков и медленно: что за корабль, где он и о каких людях вообще идет речь?

Тот продолжил без паузы, все так же пулеметно татора:

— Мы поднялись вон на тот холм, с его вершины отлично видно море и берег. В море корабль стоит. То есть почти лежит на боку. На берегу напротив него люди какие-то суетятся. Не разглядеть их толком. Палатка стоит, костры дымят.

— Сколько их?

— А хрен его знает... С полсотни точно будет.

Я не спешил высказать комментарии. Еще ляпнешь глупость ненароком, а ушей любопытных более чем достаточно — непременно разнесут по всей округе, да еще и переврут позорно. Вот зачем самому языком чесать, не подумав, если для этого человечество придумало подчиненных?

Обернулся к жадно прислушивающемуся Туку:

— Чего вытаращился?

— Так ведь это... Ну интересно же.

— И чего здесь такого интересного? Сам все прекрасно понимаешь. Или нет?

— Да что тут еще понимать? Корабль на боку, значит, на камни сел или мель, а может, другая беда и чинить борт пытаются. Я так думаю, что демы это, потому как, кроме них, мимо наших берегов никто особо не шастает.

— Нет. — Люк покачал головой. — Корабль другой совсем.

— Да много ты в кораблях понимаешь, сопля сухопутная, к губе присохшая!

— Это ты мне говоришь?! Кривой, тупой, а на других пеняешь! Может, я понимаю и меньше твоего, но на галеры демов посмотрелся. Нет, совсем разные корабли.

— А народ на берегу в доспехах? — уточнил я.

— Не могу сказать точно — далековато до них, но вроде доспехи были. Еще флаги там какие-то.

— Флаги?! — изумился Тук. — Не припомню я у демонов флагов. Разве что череп на палку нацепят или что-то в этом роде начудят. Хорошего от них не дожدهмся, а вот мерзость запросто.

Из полученной информации я так и не понял, кто именно расположился на берегу. Но, учитывая то, что берег этот по праву принадлежит мне, игнорировать присутствия незваных гостей не мог:

— К бою. Сходим проверим, кто к нам заявился.

Несмотря на многочисленные невзгоды, омрачавшие мою нынешнюю жизнь, я не окончательно съехал с катушек, чтобы атаковать противника, как минимум в два с половиной раза превосходящего количественно. Приказ «к бою» означал максимальную готовность к столкновению. Мы драки не хотим, но мало ли что может случиться. На этот случай надо затянуть ремни доспехов, проверить амуницию, чтобы ничто не звякнуло предательски, вещевые мешки оставить в деревне, а то могут помешать спастись бегством в случае неприятностей.

Задача скрытного приближения к вероятному противнику затруднялась из-за особенностей здешнего ландшафта. Топоры лесорубов тому виной или что другое, но деревьев на прибрежных холмах не было вообще, а кусты, хоть и росли в изобилии, размеры имели удручающие. За ними мелкой собачонке нелегко укрыться, не то что человеку. До моря полпути преодолели, когда я осознал, что такая толпа, перебегающая от одной жалкой кучки зелени к другой, незамеченной вряд ли останется. Пришлось чуть подкорректировать планы: оставил отряд на месте, дальше пошел в сопровождении Люка и Тука. Первый — один из лучших разведчиков и действительно умеет укрываться от врагов, а второй прекрасно разбирается во всем, что касается кораблей, их государственной принадлежности, тактике действий и прочем.

Бакайцы все до единого в этом прекрасно разбираются, потому как их остров долгие годы был своего рода Тортугой¹ этого моря.

Даже втроем продвигаться было тяжело. Почти все время на полусогнутых ногах, спина в три погибели скрючена. Мореходы выставили пост на вершине самого высокого холма, отсюда можно было контролировать практически все окрестности. Пришлось попотеть, прикрываясь скальными выходами, вжимаясь в еле заметные ложбинки. Сумерки в этих широтах долгие, но стемнело уже прилично, когда мы наконец добрались до берегового обрыва.

Картина открылась прекрасная. Куда ни взгляни, ровная гладь моря, волнения почти нет. Далеко в северной стороне, на горизонте, подсвеченные последними лучами уже закатившегося солнца, сверкают искорки вершин парочки высоких островов. Еще один, темный, угрюмый, похожий на небрежно насыпанную угольную кучу, расположился в километре или чуть дальше. Сам берег в этом месте плоский, сложен камнями размеров от футбольного мяча до совсем крошечных. Полоса пляжа — не больше полусотни метров в самом широком месте и считанные шаги в узком. На всем протяжении ее подпирает высокий обрыв. Лишь в одном месте он проточен долиной ручья, и только по ней можно взобраться вверх без риска свернуть шею.

Вот именно там и расположился лагерь вероятного противника. Все как Люк рассказывал: большая серая палатка, скорее всего сделанная из паруса, две струйки дыма от костров, десятки людей, шесты с узкими полотнищами разноцветных флагов, раздваивающимися на конце, будто змеиные языки. Далеко в море, между ближайшим островом и берегом, темнеет длинный

¹ В данном контексте речь идет об острове Тортуга (Карибское море). Недолгое время он являлся своего рода пиратским логовом, фактически не принадлежавшим ни одной стране, а на протяжении около ста лет был неофициальной пиратской столицей.

корпус корабля. Не сказать, что совсем уж на боку лежит, но и ровным его положение назвать трудно. Скажем так: сильно накренился на правый борт и чуть задрал нос. Конструкция незнакомая, громоздкая, несуразно раздутая, будто бочка — с такими я здесь еще не сталкивался. До неприличия высокая корма, две мачты, от одной из которых остался лишь огрызок, вереница пушечных портов. Огнестрельного оружия здесь нет, так что вряд ли они предназначены для пушек. А для чего же? Баллист? Или, может, просто под весла?

Зачем гадать, если под рукой имеется эксперт.

— Тук, чего молчишь?

— А что мне говорить? — удивился горбун.

— Я, признаться, в корабельных делах понимаю слабо, но на галеру демов это корыто похоже не сильно.

— Не сильно?! Ну вы и сказали! Да их неразумное дите не перепутает. Совершенно правильно обозвали — корыто. На таком убожестве даже вонючие свиноеды ни за что ходить не станут.

Хищный облик и узкие обводы галер наших заклятых врагов я прекрасно помнил. И впрямь не перепутаешь с этой раздувшейся бочкой.

— И доспехи у них другие, — заметил Люк. — У многих демов они до блеска надраены или просто зачерненные, а эти разноцветные. Шагают вон, будто петухи разукрашенные.

— Матийцы это, — пояснил Тук, при этом скривившись так, будто полкило лимонов без сахара употребил. — Такие безобразные галиоты только они и пользуют. Дрянь посудина, хотя груза и народу берет много. Да и при ветре хорошем иной раз легко дема может догнать, а при абордаже у него вообще ни единого шанса не будет — разница в команде велика, к тому же с высокой палубы удобнее обстрел вести.

Прикинув количество матийцев, я неуверенно заметил:

— Не вижу большой разницы в команде. Тут человек пятьдесят — шестьдесят всего — силы примерно равные.

— Может, команда уменьшена или что приключилось. Обычно их около восьмидесяти рыл, а часто гораздо больше.

— Гребцы у них тоже рабы?

— На веслах у них преступники и демо пойманные. Те, которых на костер не потащили.

— Что-то не наблюдаю я гребцов.

— В смысле — не наблюдаете? Да как их увидишь при таких делах. Вы только взгляните на посудину. Палуба гребная низкая совсем, прорези над самой водой, так что их при самом слабом волнении закрывать приходится. Все гребцы на корме — нос без них. Помните, вчера ветер был приличный?

— Ну?

— Вот они под него и угодили, причем в опасных водах. Видите, обрывки канатов болтаются? С якорей их сорвало и на острые камни занесло. Как волны начали разбивать, корма осела, нос задрался. Получается, гребцы под водой оказались, а это дело не шибко полезное. Кандалы на руках и ногах, цепями, пропущенными под скамьями, все связаны, никто их особо не любит, так что освобождать не торопились. Небось все там и остались на радость крабовому племени.

— Утонули?! — изумился Люк.

— А ты как думаешь? Уж те, кто ниже всех оказался, точно захлебнулись. А остальных, наверное, добили, не выпустив.

— И как они без гребцов плавать собрались?

— А никак. Галиот этот только с виду целый, а на самом деле днища, почитай, не осталось. Один хороший шторм — и разобьет его окончательно. Засел намертво, взгляните хорошенько: буруны над камнями и слева, и справа, и спереди, и даже сзади. Сам не знаю, как его на самую середину рифа закинуло, но стащить уже не по-

лучится. Капкан каменный. Не иначе как в прилив дело было и на очень высокой волне. Все — нет у них больше корабля, а раз корабля нет, то и гребцы ни к чему. Матийцы, должен признать, народ не без странностей, но понимать должны, что в этих местах держать под рукой свору пленных демонов и злостных душегубов — затея не слишком толковая. Корми их, пои, охраняй. И зачем? Надо будет — еще наловят. Это хорошего в мире маловато, а такого дерьма хоть двумя ведрами черпай.

Попугай, пристроившийся на ветке ближайшего куста, завистливо произнес:

— Я вижу, эти разгильдяи там пьют что-то интересное. Трактирщик, готов биться об заклад на скромные остатки чести твоей женушки, что у них пойло получше нашего будет.

— Тут ты не прав, — возразил Тук. — Обычай у них скверный — вино портить. Водой его разбавляют и пьют бурду еле-еле розовую. С одной стороны, конечно, лучше, чем просто вода, а с другой — это же глупый перевод добротного напитка.

— Сын мой, да это же гнусное святотатство! — возмутился Зеленый.

Вспомнив все то, что слышал о матийцах, я вынес вердикт:

— Они нам не враги. Надо хоть поздороваться для начала.

— Не враги, но стрельнуть могут, — заметил Тук. — Давайте медленно, спокойно спустимся. И чтобы заметили нас издали, а не в самый последний момент.

— Они и так нас видят, — неожиданно заявил Люк.

— С чего ты это взял? — удивился горбун.

— Дозорные на холме во все стороны посматривают внимательно, но в нашу ни единого взгляда не бросают.

Даже я понял, что это значит. Не хотят дать понять, что мы обнаружены. И еще это может означать, что к нам подкрадывается отряд ловких ребят с приказом

взять живыми или мертвыми. Лучше самостоятельно выходить, чем быть схваченными и утащенными насильно: здороваться на равных при таком варианте развития событий будет непросто.

Лагерь потерпевших кораблекрушение жил своей жизнью. Большая часть народу занималась перетаскиванием от кромки прибоа различных вещей, сваленных там грудями. Некоторые пытались вкопать среди камней опорные шесты для навесов или палаток, сооружаемых из парусов, парочка суежилась у костров — над огнем висели пузатые закопченные котлы, и ветер, задувающий с моря, доносил пряные ароматы какого-то незнакомого варева.

Возле единственной на данный момент поставленной палатки на бочонке расселся субъект, сбежавший со съемочной площадки, где шла работа над фильмом о жизни двора Людовика Четырнадцатого¹. Хотя «солнце» уже зашло, этот тип его прекрасно заменял — сверкал, как отполированная золотая монета. Завитой парик, поблескивающий, будто его бриллиантовой пылью присыпали, сложное пышное одеяние, названий многих элементов которого я даже под пыткой не скажу, начищенные до зеркального блеска вычурные сапожки. А уж кружева в столь безумном количестве, что, если перешить их на эротическое белье, можно пару серьезных борделей на год обеспечить.

Перед этим закоренелым модником навтыяжку стоял на порядок более скромно разодетый гражданин, тощий, как солитер, обитающий в желудочно-кишечном тракте страдающей дистрофией коровы, с унылым лицом, украшенным носом, формой напоминающим клюв Зеленого, а размерами — плуг. В руках он держал крошечный серебряный поднос с единственным яр-

¹ Французский король Людовик XIV — вошел в историю под прозвищем король-солнце.

ко-красным бокалом. Сидящий на бочонке тип время от времени брал посудину, делал глоток и возвращал на место. При этом он рассеянно наблюдал за процессом перетаскивания грузов, а в нашу сторону ни разу даже не покосился.

И вообще на нас никто внимания не обращал. Но поверить в то, что мы вдруг стали невидимыми, я не мог. Уж слишком демонстративно нас не замечали — все как один куда угодно тарасились, но в нашу сторону никто даже головы не поворачивал.

Мне это поведение казалось несколько странным. А еще напрягало, что даже грузчики были одеты хоть и скромнее восседающего на бочонке, но в том же стиле. Мы в сравнении с ними — тройка жалких обитателей помойки, угодившая на вечеринку законодателей моды. А я ведь немало сил потратил, добиваясь от портних и ткачих приемлемого результата, и все разведчики облачены в отличные камуфляжные штаны и куртки. С моей точки зрения — идеальная форма для такого рода войск, но вот с точки зрения матийцев вряд ли. Да у них даже слуга в кружевах с ног до головы, а встречают ведь, как известно, по одежде. Может, таким демонстративным безразличием нам выражают свое презрение?

С другой стороны, разве можно себе представить расшитый кружевами камуфляж? Такой если где и случится увидеть, то на альтернативно ориентированных певцах отечественной эстрады и лишь на концертах, посвященных празднику Победы, а это бывает только раз в году.

Так и оставаясь «невидимками», мы вошли на территорию лагеря, остановились возле «модника», потому как нетрудно догадаться, что он здесь главный. При тормозив от него в нескольких шагах, дружно переглянулись, не зная, что делать дальше в такой забавной ситуации.

Обстановку разрядил попугай:

— Добрый вечер. И что мы пьем?